

П. Е. Сорокин

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ПРИНЕВЬЯ И ЮБИЛЕЙ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Создание Древнерусского государства происходило на огромных просторах Восточной Европы путем поступательного объединения проживавших здесь славянских, финских и балтских племен. Согласно летописной традиции начало этому процессу было положено на Севере Руси при участии скандинавов. Одним из важнейших факторов, способствовавших соединению отдельных частей Древнерусского государства в единое целое и поддержанию этого единства, были магистральные водные пути.

Нева, связывавшая Русь с Балтийским регионом, выступала одним из наиболее значимых участков в этой системе коммуникаций. Однако из-за постоянной военной опасности побережье Финского залива и Невы в этот период, вероятно, не было заселено местным финским населением. В течение длительного времени Швеция пыталась взять под контроль этот ключевой участок важного торгового пути и закрепиться у устья Невы с целью организации международной торговли между Востоком и Западом, но уже под властью шведской короны. Но Русь (а впоследствии Россию) не устраивал такой вариант посредничества — Невская битва 1240 года, основание и разрушение шведской крепости Ландскрона (1300–1301) стали главными вехами борьбы за невские берега. В 1323 году у истоков Невы была основана крепость Орешек, защищавшая северо-западные границы Руси и бравшая под контроль движение по водному пути. С этого времени начинается заселение побережья Невы, вошедшего в состав Ореховецкого уезда. В XVI веке на реке Охте начинает формироваться торговое поселение Невское устье. Однако в начале XVII века, воспользовавшись тяжелым положением России, Швеция захватывает Приневье, и в устье Охты возникает город Ниен с крепостью Ниеншанц (1611–1703). Однако возвращение выхода в Балти-

ку на протяжении XVII века оставалось важнейшей геополитической задачей Российского государства, и основание в 1703 году Петербурга стало закономерным завершением многовекового процесса формирования здесь городского центра, ориентированного на Европу.

Начало этого процесса восходит ко времени становления русской государственности. В «Повести временных лет» под 859 годом говорится, что варяги «из заморья» брали дань с чуди, словен, мери и кривичей, что фиксирует уже сложившуюся ранее систему взаимоотношений в регионе. Это сообщение является своеобразным предисловием к сказанию о призвании варягов, существующему в разных вариантах. Согласно Ипатьевской летописи, в 862 году «изгнаша Варягы за море, и не даша им дани. И почаша сами в собе володети и не бе в них правды. И вьста род на род, и быше усобице в них, и воевати сами на ся почаша... и сказали поищем сами в собе князя, иже бы владел нами и рядил по ряду по праву. Идоша за море к варягам... Рекоша Русь, Чудь, Словене, Кривичи и Весь Земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет. Да поидите княжить и володеть нами... И избращася трие брата с роды своими, и придоша к словенам первее, и срубиша город Ладогу. И седе старейший в Ладоге Рюрик, а другии в Синеус на Белоозере, а третий Трувор в Изборске»¹.

В 2003 году одновременно с празднованием 300-летия Санкт-Петербурга отмечался 1250-летний юбилей Старой Ладоги — «первой столицы Руси»². Причем идея о столичном статусе Ладоги была сформулирована в работах петербургских археологов задолго до празднования этого юбилея³. Исследователи летописного сказания о призвании варягов обратили внимание на то, что только в четырех из шести полных списков «Повести временных лет» Рюрик приходит в Ладогу. В двух наиболее ранних списках место его первоначального пребывания не упомянуто, Ладога появляется только в третьей — Ипатьевской — редакции. В Лаврентьевской летописи и летописях новгородской традиции этим местом назван Новгород⁴.

Письменные свидетельства, несомненно, являются главным источником по вопросу о приходе Рюрика и местах его пребывания. Однако, принимая во внимание, что все они были записаны спустя несколько столетий после этих событий, следует учитывать исследовательские качества летописцев, которые могли включать в более поздние списки дополнительную информацию о событиях, почерпнутую из документов, преданий и легенд. Посещение летописцем Ладоги в 1114 году, где он мог получить новые сведения в том числе и о призвании варягов, зафиксированы как раз в Ипатьевской летописи⁵.

Сюжет о призвании Рюрика и его братьев и местах их пребывания, существующий в различных вариантах, рассматривался в российской историографии в контексте политического соперничества русских городов Киева и Новгорода, а также Новгорода и Ладоги⁶. Таким образом, можно полагать, что разночтения о первенстве Ладоги и Новгорода в качестве первой княжеской резиденции возникли много столетий назад, найдя отражение в разных летописных сводах.

В настоящее время некоторые историки и археологи отказались признать за Ладогой столичный статус, полагая, что местом, куда пришел Рюрик, было Северное Приильменье. Это объясняется следующими доводами: Приильменье было центром расселения словен и федерации племен, призвавших варягов; здесь имелось укрепленное Рюриково городище, где найдено множество скандинавских находок того времени и главное славянское святилище Перынь; Ладога же в те времена была незначительным поселением и там не было княжеского стола. Еще одним аргументом назван Указ Президента В. Путина о праздновании юбилея Старой Ладоги, в котором не упоминается про ее столичный статус...⁷

Легенда о призвании варягов рассматривается здесь в соответствии с русской исторической традицией XIX столетия — как начальный акт создания могущественного государства. Однако если посмотреть на это событие в контексте североамериканской истории, то для его участников эта акция, строившаяся на договорных отношениях, была не более чем временной политической конъюнктурой. Достаточно ознакомиться с биографией одного из претендентов на роль Рюрика — Рерика Ютландского, прошедшего жизнь в авантюрных войнах во Фрисландии и Южной Балтике. Учитывая более чем столетнее существование в Ладоге скандинавского населения до призвания Рюрика и предшествующее ему изгнание варягов, нельзя исключать, что подобные договоры заключались здесь и ранее. Однако к концу IX столетия сложились объективные экономические и политические условия для развития вновь образованного межплеменного союза северных народов, возглавленного варяжским правителем, что и привело к сложению Древнерусского государства.

Помимо того что большинство летописных списков называет Ладогу местом, где в первые годы своего правления — с 862 по 864 — обосновался Рюрик, этот выбор на первом этапе представляется наиболее вероятным по целому ряду обстоятельств. Ладога — древнейшее поселение на Северо-Западе Руси, занимавшее ключевые позиции, которые позволяли контролировать основные водные пути из Восточной Европы в Балтику, проходя-

вшие из Волжского бассейна через Ильмень и Ладожское озеро. Согласно археологическим и письменным свидетельствам, Ладога с середины VIII века вплоть до начала XII века остается опорным пунктом скандинавов на Северо-Западе Руси и прибежищем скандинавской знати, покинувшей родину⁸. Ладога имела непосредственную связь с Балтикой и, с одной стороны, была легко достижима для больших скандинавских судов, с другой — для любых типов речных судов, приходивших из внутренних бассейнов. Это место, расположенное на удалении от основных центров расселения местных племен: словен, чуди, веси и кривичей, образовавших федерацию, находилось в относительной безопасности, что было особенно важно для иноземного правителя в нестабильной политической ситуации того времени. На первом этапе договорных отношений варягам требовалась особая осторожность, учитывая недавние события с изгнанием их предшественников.

Верхнее Поволховье было труднодостижимо для больших судов викингов, и туда, судя по имеющимся археологическим данным, поднимались только малые и средние суда⁹. Учитывая многокилометровые Волховские пороги и не менее чем пятидневное плавание по этой реке вниз по течению, в Приильменье, при очередном обострении отношений с местным населением, варяги сразу же становились заложниками даже в хорошо укрепленном пункте. При этом в настоящее время не существует точной датировки возникновения поселения и укреплений на Рюриковом городище. Здесь имеются вещевые материалы, бытующие достаточно широко в IX–X веках, что не позволяет однозначно связывать их со временем призвания варягов. Древнейшие из выявленных на городище построек датируются дендрохронологическим методом более поздним периодом — 889–900 годами¹⁰. Касаясь вопроса о важности для варяжской знати размещения вблизи святилища словен в Перыни, сложно представить себе, чтобы варяги в одночасье сменили свою религию на славянскую. Следует вспомнить, что в это же время в самой Скандинавии попытки смены традиционных верований не имели особого успеха¹¹.

Очевидно, что столица раннесредневекового времени в зарождающемся государственном образовании не могла иметь всех тех функций, которыми обладали столичные города в развитом Средневековье, и на Руси город с этим статусом появляется только с возникновением Киевской державы. Ладога могла быть первоначальной резиденцией князя, схожей с административными и культовыми центрами скандинавских конунгов того времени. В Скандинавии это были «королевские усадьбы» — родовые гнезда

и святилища, древнейшие из которых — Лейре и Эллинг в Дании, Конунгахелла в Норвегии, Упсала в Швеции. Ладога же по своему устройству изначально была ближе к торгово-ремесленным поселениям типа Хедебю, Каупанга и Бирки, которые со временем также становятся местами размещения конунгов. Да и сами скандинавские правители в этот период по своему положению и статусу не были сопоставимы с русскими князьями эпохи Средневековья. Ранняя эпоха викингов (793–891) в целом характеризуется низкой активностью конунгов, подчиняющихся «доминирующей социальной силе — движению викингов»¹². Во времена Рюрика были иные понятия об административно-религиозных центрах, атрибутах власти и статусе правителя, и поэтому совершенно неправомерно переносить на эту эпоху реалии времен создания летописных сводов, когда русские князья сидели в больших городах «на столе своем».

В процессе раскопок старолadoжского земляного городища были открыты большие дома IX века, которые и могли быть местом размещения здесь скандинавской знати¹³. Кроме того, здесь известны скандинавские могильники — в урочище Плакун IX–X веков и на земляном городище у церкви Климента XI века, свидетельствующие о стабильной оседлости северных пришельцев. Следует заметить, что потенциал археологических источников в вопросе изучения роли таких центров, как Ладога и Рюриково городище, далеко не исчерпан. Первоначальный ландшафт и связанная с ними историческая и социальная топография этих поселений еще только начинают изучаться. Нельзя исключать, что в Ладоге также могли существовать укрепления эпохи викингов как на месте современного земляного городища, так и на территории соседней крепости.

С начала своего возникновения Ладога была центром скандинавской колонизации на востоке, распространявшейся в этот период в различных формах по всем берегам Балтики. С возникновением Древнерусского государства она на несколько столетий становится его северным форпостом в Прибалтийских землях. Как первый морской порт Руси на Балтике, Ладога была древним прообразом Петербурга, выполняя на протяжении первых столетий своего существования некоторые функции, которые позднее были присущи Петербургу¹⁴. Связь с Балтикой через Ладогу и Неву привела к тому, что Невский регион на протяжении столетий был вовлечен в обще-европейские исторические процессы и играл значимую роль в период возникновения Древнерусского государства. В Средневековье, когда Нева была общим звеном торговых путей «из варяг в греки» и «в арабы», в ее устье останавливались проходившие здесь суда. Об этом свидетельствуют

обнаруженные здесь клады с арабскими и западноевропейскими серебряными монетами VIII–XI веков и более поздние торговые договоры Новгорода и городов Ганзейского союза, заключенные в XIII–XIV столетиях. Здесь же, вероятно, размещалась морская стража земли Ижорской, контролировавшая продвижение по водному пути и защищавшая купцов от нападений разбойников. Согласно письменным источникам, в Средневековье бассейн Невы был заселен финским племенем ижора, находившимся в зависимости от Новгорода¹⁵. Подробное описание этой территории в средневековых документах отсутствует, однако ее важное стратегическое значение подтверждается косвенными свидетельствами об активных сообщениях между Балтийским регионом и Северной Русью на протяжении всей эпохи викингов. В источниках содержатся сведения об союзнических и враждебных отношениях русских князей со скандинавскими правителями.

О значении Ладоги в скандинавском мире свидетельствуют многочисленные упоминания ее под названием Альдейгьюборг в древнесеверной литературе¹⁶, количественно превосходящие все остальные города Руси. Согласно свидетельству Иоакимовской летописи, Рюрик, когда жена его Ефанда «роди сына Ингоря, даде ей обещанный при море град с ижорой в вено»¹⁷. Если доверять приведенному преданию, под градом могла подразумеваться Ладога, а под ижорой — территория расселения этого финского племени, включавшая земли по течению реки Невы. Хотя упоминаемая в нем ситуация во многом напоминает более поздние события — условия брака Ярослава Мудрого и Ингигерд, нельзя исключать, что легенда подтверждает определенную обособленность Ладоги и примыкавших к ней на западе южного Приладожья и Приневья уже в это раннее время.

В 1019–1050 годах Ладога с округой входили в состав Ладожского ярлства великой княгини Ингигерд, получившей их по условиям брачного договора между ее мужем Ярославом Мудрым и отцом Олавом Шведским. Этот брак, заключенный в 1019 году, был связан, по мнению исследователей, с попыткой Ярослава предотвратить дальнейшие набеги скандинавских викингов на север Руси с территории Швеции. Одним из результатов этого союза стало создание Ладожского ярлства — буферной зоны между Русью и Скандинавией, управление которым Ингигерд было передано шведскому ярлу Регнвальду. После его смерти управление ярлством перешло по поручению Ярослава к его сыну Эйливу¹⁸. Другой сын Регнвальда Стейнкель около 1056 года становится королем Швеции¹⁹.

Варяги, обосновавшиеся в Ладого, играли активную и значимую роль в политических процессах Скандинавии²⁰. Четыре норвежских конунга во

времена правления Владимира и Ярослава посещали северо-западные земли Руси. Здесь провел свою юность (около 977–987) будущий норвежский конунг Олав Трюгвассон (995–1000). Олав Харальдссон (1014–1028), известный как объединитель и христианизатор Норвегии, получивший после смерти прозвище Святой, скрывался от своих противников на Руси с осени 1029 по весну 1030 года. Вернувшись после этого в Норвегию, он погиб в битве при Стикластадире летом 1030 года²¹. Его сын Магнус Олавссон Добрый (1135–1147) — будущий норвежский и датский конунг, после отъезда отца остался на Руси. В 1034 году за ним прибыло посольство норвежской знати, после чего он занял норвежский престол. Брат Олава Святого Харальд Сигурдсон Суровый (1046–1066) бежал на Русь после битвы при Стикластадире. После службы на Руси и в Византии, женившись на дочери Ярослава Елизавете, в 1044 году он отправился в Швецию, а затем в Норвегию, где через два года стал королем, разделив власть с Магнусом Добрым²².

Русские князья также могли найти убежище за морем — в Скандинавских странах. Имеются свидетельства, что основатели Русского государства Рюрик и, возможно, Олег окончили свою жизнь в Скандинавии. И последующие правители Руси искали там поддержку и спасение — в 977 году Владимир Святославич, опасаясь преследования Ярополка, «бежа за море». Только в 980 году он вернулся «с варяги» для продолжения борьбы за Новгород и Киев. В 1015 году Ярослав посылает за море, призвав варягов на помощь против отца — князя Владимира, собиравшегося выступить против него в поход. В 1018 году после поражения от Святополка и Болеслава Ярослав также хотел бежать за море, но новгородцы остановили его. В 1024 году после поражения от Мстислава Ярослав ушел в Новгород, а его варяжский воевода Якун бежал за море²³. Для X — начала XI века имеется целый ряд упоминаний о больших военных акциях в районе Ладоги с участием викингов. В 997 году норвежский ярл Эйрик сын Хакона «отправился на восток в Гардарики против Вальдамара Старого и воевал во многих местах в его государстве. Он разрушил Альдейгьюборг и взял там много богатства, и еще дальше продвигался он вперед на восток в Гарды»²⁴. В 1015 году ярл Свейн Хаконарсон, потерпевший поражение в борьбе за власть с Олавом Святым в Норвегии, совершил поход по Восточному пути. Все эти сообщения наверняка осуществлялись на больших судах викингов, способных пройти в Ладогу только по Неве.

«Повесть временных лет» описывает участие варягов в походах всех первых русских князей: Олега, Игоря, Святослава, Владимира и Ярослава²⁵. В древнесеверной литературе имеются сведения о службе скандинавской

знати у русских князей, где они возглавляли воинские отряды, сформированные в первую очередь из наемных скандинавов. Имеется информация, касающаяся морских походов на Балтике. Норвежец Олав Трюгвассон, находясь на службе у Владимира, совершал набеги на берега Балтики, «его флот усиливался за счет норвегов и данов, гаутонов и склавов». Завоевав для конунга Вальдемара много стран и городов, «повернул он домой в Гарды; они плыли тогда с такой большой пышностью и великолепием, что у них были паруса на их кораблях из драгоценных материй и такими же были их шатры...» Другой варяг, Сигурд, около 970–980-х годов занимался сбором дани для князя Владимира в Эстонии²⁶. Из летописи известно, что варяги и ранее собирали дань с чуди, поэтому нельзя исключать, что при их участии взималась она и во времена Владимира. Походы за данью происходили, вероятнее всего, по воде — через Неву и Финский залив.

Даннические отношения варягов с финскими племенами, зафиксированные летописью в середине IX века, вероятно, трансформируются в сбор дани варягами, состоявшими на службе у русских князей. После перехода территории русского Северо-Запада под контроль Новгородского государства эти народы в большинстве своем остаются в даннической зависимости от Новгорода. Такое положение двойственной зависимости, с одной стороны, от Руси, а с другой — от скандинавов, находившихся какое-то время на службе у русских князей, впоследствии перерастает в противоречия между Новгородом и Скандинавскими королевствами, которые претендуют в XII–XIV веках на земли финских народов Восточной Прибалтики.

В летописи имеется также сообщение о выплате дани варягам с Новгородской земли: Олег «устави варягом дань даяти от Новгорода гривен 300 на лето, мира деля, еже до смерти Ярославле даяще варягом». Некоторые исследователи объясняли это сообщение как выплату дани киевским князьям, однако здесь речь, вероятно, идет о плате за сохранение мира. Подобные выплаты викингам хорошо известны для того времени и в других странах Северной Европы²⁷. Существует мнение, что получаемые в виде дани средства шли на содержание варягов, находившихся на службе у русского князя. За эти средства варяги, размещавшиеся в Ладогe, защищали северные рубежи Руси²⁸. Таким образом, скандинавы продолжали сохранять влияние на прибалтийских землях, включая Приневье, вплоть до начала XII века, когда новгородцы военным путем установили контроль над Ладогой и построили здесь в 1114 году новую каменную крепость.

Таким образом, Северная Русь на протяжении всей эпохи викингов тесно включена в исторические процессы Балтийского региона. Это предпо-

лагало интенсивные водные сообщения между Русью и Балтикой, основным связующим звеном которых был Невский путь. Значимая роль Приневья в эпоху викингов подтверждается не только письменными свидетельствами. Появление транзитного пункта в устье Невы было предопределено географическим положением этого места — в ключевом пункте водного пути между Восточной и Северной Европой. В результате раскопок, проведенных в два последних десятилетия в Приневье, была получена новая научная информация, в значительной мере заполняющая белое пятно на археологической карте Северо-Запада. В ходе этих работ были обнаружены архитектурно-археологические объекты и собрана ценная коллекция артефактов периода V тыс. до н.э. — XVII века. Памятники, связанные с финским племенем ижора, концентрирующиеся к северу и югу от Невы, показывают, что по плотности заселения в XII–XIII веках эта территория не уступала Юго-Восточному Приладожью, Ижорскому плато и Карельскому перешейку, где массивы археологических памятников, связанные с другими финскими племенами: весью, водью, карелой, были выявлены и изучены ранее. Наибольшая концентрация археологических объектов допетровского времени прослежена недалеко от центра современного города, на месте впадения Охты в Неву. Здесь в эпоху Средневековья — Нового времени существовали город Ниен с крепостью Ниеншанц (1611–1703), сельцо на устье Охты — поселение Невское устье (XV–XVI века), крепость Ландскрона (1300–1301), мысовое городище новгородского времени (XIII век). Это реальные следы осуществления многовековой идеи создания города в устье Невы, которая была окончательно реализована с основанием Санкт-Петербурга.

Петербург возникает на новой экономической и культурной основе и не является прямым продолжением русского Невского устья — шведского Ниена. Несмотря на то что в идее его создания отчетливо прослеживается тип североевропейского города и в его проектировании участвуют западноевропейские архитекторы, инженеры и мастера, строительство ведется русскими рабочими, призванными из всех губерний страны. Таким же разнообразным становится и постоянное население города, принесшее с собой разнородные культурные традиции жизни и городского строительства на берега Невы. Город, проектировавшийся по единому плану, в первое время его существования во многом развивался стихийно. Центр его, являвшийся подражанием центрам европейских городов, обрастал русскими, татарскими и немецкими слободами, развивавшимися по своим градостроительным и культурным законам.

Петербург возник в 1703 году как новое явление в мировой истории и культуре, впитав в себя как русские, так и европейские черты. Но это ни в коем случае не умаляет его богатой предыстории, связанной с Ниеншанцем, Невским устьем, Ландскроной, средневековым мысовым городищем, поселениями древних людей. Памятные места и даты, связанные с этими периодами предыстории нашего города, не должны быть забыты. Названия древних поселений и городов необходимо вернуть в городскую топонимику, а связанные с ними даты — в городской календарь. Для Петербурга важно сохранить следы его семитысячелетней предыстории, существующие на Охтинском мысу. Идея города на Балтике, восходящая к глубокой древности, напрямую связана с юбилеем русской государственности, так как именно исторический предшественник Петербурга — Старая Ладога — становится первой резиденцией князя Рюрика — легендарного основателя Древнерусского государства.

Новые археологические находки позволяют ставить вопрос о создании археологического музея Петербурга. Удобным местом для размещения такого музея мог бы стать Охтинский мыс — исторический центр допетровской истории края, где сохранились руины древних крепостей, свидетелей богатой и славной истории этих мест. Учитывая уникальность выявленных объектов и их общеевропейскую историко-культурную значимость, необходимо предусмотреть их дальнейшее сохранение. Наилучшим вариантом сохранения выявленных сооружений было бы создание здесь ландшафтного археологического музея-заповедника.

* * *

¹ Полное собрание русских летописей. М., 1962. Т. II. С. 13–15.

² Время возникновения этого поселения было определено по наиболее древней постройке, выявленной к настоящему времени на его территории. По дендрохронологическому анализу, для ее строительства было использовано дерево, срубленное в 753 году (*Рябинин Е.Н., Черных Н.Б.* Стратиграфия застройки и хронология нижнего слоя Староладожского земляного городища в свете новых исследований // Советская археология. 1988. № 1. С. 72–100).

³ *Лебедев Г.С.* Археологические памятники Ленинградской области. Л., 1977. С. 23; *Киртичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С.* Русь и варяги // Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 193; *Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985. С. 212, 214; *Мачинский Д.А.* Русско-шведский Пра-Петербург // Шведы на берегах Невы. Стокгольм, 1998. С. 10–11; *Киртичников А.Н., Сарабьянов В.Д.* Старая Ладога — древняя столица Руси. СПб., 1996. С. 83–89; *Мачинский Д.А.* Почему и в каком смысле Ладогу следует считать первой столицей Руси // Ладога и Север-

ная Евразия от Байкала до Ла-Манша. Связующие пути и организующие центры. СПб., 2002. С. 5–35.

⁴ *Шахматов А.А.* Повесть временных лет. Пг., 1916. С. 53; *Гинтцус А.А.* Новгород и Ладога в Повести временных лет // У истоков русской государственности. СПб., 2007. С. 213.

Учитывая, что Новгород в этот период, вероятно, еще не существовал, предполагается, что под этим названием следует понимать предшествовавшее ему Рюриково городище.

⁵ Повесть временных лет. СПб., 2007. С. 265; *Мачинский Д.А.* Почему и в каком смысле Ладогу следует считать первой столицей Руси. С. 5–35.

⁶ *Шахматов А.А.* Сказание о призвании варягов. СПб., 1904; *Рыбаков Б.А.* Начало Русского государства // Вестник МГУ. 1955. № 4–5. С. 74; *Фроянов И.Я.* Исторические реалии в летописном сказании о призвании варягов // Вопросы истории. 1991. № 6. С. 3–15.

⁷ *Носов Е.Н., Янин В.Л.* К 1150-летнему юбилею российской государственности: источники и проблемы // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. В. Новгород; Старая Русса, 2011. Т. I. С. 9–11.

⁸ *Кирпичников А.Н.* Ладога и Ладожская земля VIII–XIII веков // Историко-археологическое изучение Древней Руси. Л., 1988. Вып. 1. С. 38–78; *Джаксон Т.Н.* Четыре норвежских конунга на Руси. М., 2000.

⁹ *Сорокин П.Е.* Природные условия и судовое дело Северо-Западной Руси // Древности Поволховья. СПб., 1997. С. 42–58.

¹⁰ *Носов Е.Н.* Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990. С. 147–167; *Носов Е.Н., Дорофеева Т.С., Смирнов А.М., Хвоцинская Н.В., Юшкова М.А.* Раскопки на городищенском холме // Новгород и Новгородская земля. История и археология. В. Новгород, 2007. Вып. 21. С. 13–23.

¹¹ История Швеции. М., 2002. С. 34–35.

¹² *Лебедев Г.С.* Эпоха викингов... С. 208, 211.

¹³ *Кирпичников А.Н., Сарабьянов В.Д.* Указ. соч. С. 70–74.

¹⁴ *Мачинский Д.А.* Русско-шведский Пра-Петербург. С. 10–11.

¹⁵ *Сорокин П.Е.* Указ. соч. С. 42–58.

¹⁶ *Глазырина Г.В., Джаксон Т.Н.* Древнерусские города в древнескандинавской письменности. М., 1987.

¹⁷ *Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С.* Указ. соч. С. 193–194.

¹⁸ *Рыдзевская Е.А.* Сведения о Старой Ладоге в древнесеверной литературе // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры (КСИИМК). 1945. Вып. XI. С. 56–61

¹⁹ *Мачинский Д.А.* Ладога — древнейшая столица Руси и ее «ворота в Европу» // Старая Ладога — древняя столица Руси. СПб., 2003. С. 33.

²⁰ *Свердлов М.Б.* Скандинавы на Руси в XI веке // Скандинавский сборник. 1974. Вып. XIX. С. 55–68, 62.

²¹ *Джаксон Т.Н.* Четыре норвежских конунга на Руси. М., 2000. С. 17, 50.

²² Рыдзевская Е.А. Сведения о Старой Ладоге в древнесеверной литературе // КСИИМК. 1945. Вып. XI. С. 68; Джаксон Т.Н. Указ. соч.

²³ Повесть временных лет. М., 1991. С. 58, 93, 100, 102.

²⁴ Глазырина Г.В., Джаксон Т.Н. Указ. соч. С. 53.

²⁵ Повесть временных лет. СПб., 2007. С. 14, 16, 18, 23, 36, 58, 62, 65, 66.

²⁶ Джаксон Т.Н. Указ. соч. С. 27, 38, 40.

²⁷ Лавмянский Х. Русь и норманны. М., 1985. С. 129–131.

²⁸ Лебедев Г.С. Эпоха викингов... С. 221.